

ЗАПАДНЫЙ ФОРПОСТ

Свободная газета

№ 34

март

2019

свободных поэтов

Андреаполь - Пено - Торонец

Нелидово - Белый

Мы все сегодня влюблены
в своих принцесс, в своих хороших.
С утра готовим им блины,
кидаем в оливье горошек.

Бежим в цветочные ларьки,
достав последнюю заначку.
Порхаем, будто мотыльки,
вокруг и бегаем и скачем.

И всё для Вас, мы сражены
уже давно волшебным взглядом.
Так будьте тоже влюблены,
нам больше ничего не надо!

*Сергей Воробьев,
Тверь*

На дороге большая лужа.
Тонкой коркой последний лед.
Как бы долго ни длилась стужа,
А весна все равно придет.

За седьмым прилетит восьмое.
Пожелаю родным всего.
Можно выпить за женщин стоя,
Если есть поздравлять кого.

Сколько женщин, но все чужие.
Только дома старушка-мать.
Жаль, что вывелись те святые,
Что умели мужчин прощать.

Март холодный метет снегами,
Словно родственник февралю.
Пусть желанные будут с нами,
Чтоб услышать опять: «Люблю!»

*Иван Кирпичев,
Нелидово*

Весна – время пробуждения муз

Вы слышали удивительные стихи Владимира Львова? Те, в которых бескрайняя ситцевость летнего неба, запах свежескошенной травы и послевкусием – рябиновая горечь на губах? Они о деревне, о далёких и близких, об отшумевшем озорном детстве. О настоящем и безыскусном. Прикоснуться к ним, услышать дивную музыку стихотворных строк – великое счастье, отрада для измученной обыденностью и прагматизмом души.

Вы слышали музыку стихотворных строк Фёдора Иванова? Тех, в которых город с трамваями и маршрутками, весенняя капель и ворчание солёных волн? Созвучные многим потому, что темы в них вечные, земные. Слова, мастерски заплетённые рифмами, находят отзвук в душе, подбирают созвучия и понимаешь – это твои метания и настроения озвучивает автор.

Одни из лучших тверских поэтов приехали в Нелидово, чтобы представить читателям новые книги и просто почитать свои стихи.

Встречу организовал наш земляк Игорь Столяров, а помогли ему в этом сотрудники центральной библиотеки.

Восхитительные песни на собственные стихи в субботний вечер 9 марта исполнила тверичанка Вероника Насырова.

Было здорово, интересно и вовсе не скучно – настоящая поэзия не знает возрастных границ и великолепно воспринимается теми, кто умеет слушать душой!

*Наталья Венкова,
Нелидово*

Авторская песня

Владимир КАРПУХИН,
г. Белый

Родился 10 апреля 1955 года в г. Грозный. Переехал в Тверскую область в связи с военными действиями. Тогда начал писать стихи. В настоящее время проживает в г. Белый, где продолжает заниматься своим любимым делом. С 2018 года на базе дома культуры ведет кружок авторской песни, куда вошли молодые люди, желающие обучаться игре на гитаре и творить собственные произведения.

В ЭМИГРАЦИИ

Мне нашёлся в стране уголок,
Где мои возродились надежды.
От родного он края далёк,
Здесь о доме оставленном грежу.
В этом городе много берёз,
А вокруг – деревянные избы.
Не даёт мне покоя вопрос –
Так какие же земли мне ближе:
Та ли, где я родился и жил,
Где мечты были музыкой
сладкой,
Или эта, куда вдруг прибил
Смерч войны никому не понятной?
Здесь вдыхается воздух легко,
В нём есть запахи русской печали,
Я от горных вершин далеко,
Тех, что с детства мне близкими
стали.
Эмигрант я в российском краю,
Среди белых берёз...
Ничего не напишешь,
И хотя на чужбине живу,
Я напевы мне близкие слышу.

ПОРТРЕТ

Смотрю на фотографию поэта:
Холодный глянец,
Чёрно-белый лист.
А он глядит со своего портрета
Задумчиво, чуть в сторону
И вниз.
Всё для него теперь
Предельно просто –
Закончен труд,
Увидел сборник свет.
А он вдруг ощутил до боли остро,
Как стало пусто после долгих лет.
Он вновь в стихах увидел
недостатки
И ощутил всю прелесть верных
строк.
Он снова вспомнил первую
тетрадку,
Исчерченную вдоль и поперёк,
Тетрадку ту, что сборником не стала,
Тетрадку, что была всему началом.

КИЛОМЕТРЫ ДОРОГ

Пролегли между нами
Километры дорог.
Создают люди сами
Миллионы тревог,
Уезжая решают
Сотни тысяч задач,
В жизни каждого есть
Полоса неудач.

Припев:
И летят самолёты,
И бегут поезда.
Кто-то ищет кого-то,
Это было всегда.
У любви есть начало,
Есть исток у реки.
Нет, скажу вам, пожалуй,
Берегов у любви.

Припев.

Телеграммы и письма,
Телефонов звонки,
Окаянные мысли –
Дуновенья любви.
И стремятся друг к другу
Те, кто верность обрёл.
Собирайтесь в дорогу,
Поезд ваш не ушёл.

Припев.

Интернета творенье –
Это всё не для нас,
Неживое общенье –
Ненадёжный компАс.
Существует на свете
Совершенная связь,
Если любишь и веришь –
Значит, жизнь удалась!

БЕГ ВРЕМЕН

Кружит морозная зима
Снежной метелью,
А за метелью холода
Следуют тенью.
И подкрадётся Новый год –
Вестник надежды:
Может, не будет тех забот,
Что были прежде?

Вступит весна в свои права,
Хлынет ручьями,
И побежит, журча вода,
Радуясь с нами
И потемнеет белый снег,
Быстро растает,
Лишь о зиме он
Мокрый след,
Плача, оставит.

Жарким дыханьем и теплом
Вторгнется лето.
Солнце зальёт своим огнём
Синее небо.
Мы в суматохе будних
Дней
И не заметим,
Как у распахнутых дверей
Вдруг осень встретим.

С жёлтой листвой
Придут дожди,
Кончится лето.
Солнца манящие лучи
Спрячутся где-то...

С резвостью быстрых
Лошадей
Дни наши мчатся.
Время летит быстрее,
Быстрее –
За ним не угнаться.

* * *

Я пойду, поброжу по свету,
Не печалься, к осени жди.
Я пойду по зеленому лету
Голубые искать дожди.

В речку быструю окунусь
И бурлящей воды напьюсь
Там, в заманчивой
прохладе
растворюсь.

Я пойду отыщу то место,
Затерявшееся вдали,
Где, упав со своих насестов,
Звезды рассыпями легли.

И, в дороге оставив грусть,
Поздней осенью в дом вернусь,
Возле нашего порога улыбнусь.

Конечная остановка

День, заштопанный заведомо невыполнимыми планами, стремительно разошёлся по швам, обнажая багряное нутро горизонта. Солнце рухнуло в мягкие тучи, чтобы не отлежать бока на стыке времён, а тонкий месяц устроился на соседней крыше. Звёзды тоже куда-то запропастились, спасаясь от роя снежных пчёл. Позёмка с ветром на хвосте бросилась в город, и деревья поседели от страха, ощущая корнями её приближение. Затянуло, покрасило серебрянкой окна: действительность сплелась с морозными узорами, искажённая до неузнаваемости. И началось: закрипели в домах половицы, завозились на антресолях незримые жители, загомонили на своём языке, а в мою квартиру по-хозяйски заглянула тьма.

Пространство смазалось. Из коридора в комнату потянулись озябшие тени. Осмелели под вечер. Но я, мстительно ухмыльнувшись, захлопнул дверь у них перед носом, а потом, преодолев притяжение дивана, оставил позади четыре лестничных пролёта и устремился на свет фонарей. Две отложенные встречи были попутно выброшены в мусорное ведро вместе с просроченным календарём. Мрак за моей спиной довольно заурчал, но следом сунуться не решился. Остался в подъезде.

Этот мрак был мне хорошо знаком. Он обитал за почтовыми ящиками, периодически выбираясь, чтобы поживиться чем-нибудь этаким: страхом, например, или досадой. Я старательно избегал лестницы, чтобы не попасть к нему в лапы, но лифт ломался с завидной регулярностью, и, думается мне, не просто так.

Знакомство с мраком состоялось год назад, как раз в декабре. В тот вечер я возвращался с работы выжатым, как лимон, поэтому разозлился, обнаружив, что лифт опять сломан. Делать было нечего – пришлось идти пешком. Я уныло смотрел на грязную лестницу, едва переставляя ноги. Вдруг передо мной легла густая, длинная тень. Из-за почтовых ящиков послышалось хриплое дыхание, едва ли принадлежащее человеку. Я медленно обернулся, но вокруг не было ни души. Только тень передо мной нахально игнорировала законы физики, лёжа на лестнице, тогда как моя собственная была припилена к стене. Я смотрел на то на одну, то на другую и не мог пошевелиться. Ноги будто приросли к ступеням. Вдруг слабое свечение окружило меня пульсирующим коконом, и от него в логово хищника потянулись тонкие нити. Я откуда-то знал, что это – моя аура,

эмоциональная сфера, и некто, обитающий в подъезде, собирается съесть её на ужин. Спас меня сосед из десятой квартиры: вышел на перекур, и неведомый хищник потянулся за свежей добычей, ослабив хватку. Сосед щёлкнул зажигалкой и с наслаждением затянулся, а мрак уполз обратно, за почтовые ящики. С тех пор я тщательно его избегал, и пока мне везло. Вот и сегодня удалось выскользнуть из подъезда незамеченным. Даже дверь за спиной одобрительно хлопнула, выпуская меня на волю.

Улицадохнула в лицо предновогодней, пятничной суетой, подмигнула сразу тремя светофорами и побежала дальше. Блуждающие огни автомобильных фар наверняка знали, куда мне нужно идти, но делиться информацией не собирались, общаясь с растянутыми над дорогой гирляндами. Прохожие тоже не обращали на меня внимания, стараясь успеть как можно больше, пока время не обнулилось. На завтра у них, по традиции, была отложена новая жизнь. Однако, ничего не делая сегодня, они никак не могли её начать, потому что завтра не наступало. И не наступит. Тонкий лёд согласно хрустнул под сапогом. Идти стало легче.

Очевидно, предновогоднее настроение улиц передалось и мне: скрежет, с которым стрелки наручных часов упорно приближали полночь, сделался невыносимым. Он шёл со всех сторон, будто каждый прохожий считал своим долгом сверяться с ручным измерителем времени как можно чаще. Хорошо ещё, что собственные часы я забыл дома, иначе этот скрежет свёл бы меня с ума. Звук, между тем, нарастал, вызывая пульсирующую боль в затылке. Стараясь отвлечься, я смотрел на спешащих куда-то людей, заполонивших широкие улицы, и вдруг услышал, как насмешливый голос за моей спиной произнёс: «Они опаздывают!». И тут же ему ответил другой, механический: «Они уже опоздали». «А ты чего стоишь?» – обратился ко мне тот, первый. Я обернулся на звук, собираясь поинтересоваться, а кто, собственно, со мной говорит, и невольно замер. Позади никого не было. Напротив: там виднелись из-под снега трамвайные рельсы, уходящие в пустоту. Ещё одно воспоминание, постепенно превращающееся в городскую легенду. Облепленные льдом параллельные прямые, которые никогда не пересекутся. Слева – остановка с покосившейся крышей и размашистой надписью «здесь были мы», тусклая, будто старая фотография: трамвайный

**Алексис,
г. Удомля**

парк закрыли за ненадобностью восемь лет назад. Вскоре я уже шагал по скользким, блестящим рельсам, представлял себя студентом-безбилетником, который едет в общежитие на Советской и думал, что именно за этой освежившейся памятью вышел на мороз, но давешний голос, тот, насмешливый, со мной не согласился. «Двигай на «Железку»! Поворачивай, говорю!» – нагнал меня он. «Железкой» гордо именовалась автобусная остановка на привокзальной площади, собиравшая в своей стеклянной утробе любителей поездов и увесистых рюкзаков. Я философски пожал плечами, принимая правила игры, и отмерил двадцать семь шагов в обратном направлении, – именно такое расстояние отделяло меня от пешеходного перехода, преодолев который, я попал бы на пресловутую «Железку». «Двадцать семь!» – произнёс механический голос в моей голове, как на вокзале, и я обрадовался, потому что разгадал ребус. Нужно срочно возвращаться домой! Это был номер моей квартиры.

Очередной светофор подмигнул мне зелёным глазом, позволяя перебраться на «Железку». Я всё делал правильно. Вскоре мягкое шуршание шин по заснеженной трассе выдало приближение автобуса. Оставалось уютно устроиться на потёртом сидении и смотреть, как мимо пролетают мерцающие городские огни. Ощущая себя усталым путником, я прислонился головой к стеклу и почти задремал. «Не пропустить бы...» – сказал весёлый голос, но что именно, – осталось загадкой. Я всё-таки уснул.

Внезапно кто-то коснулся моего

Огромный город

Огромный город, щуря яркий глаз,
Лежит в тени остроконечных
башен.

Так мир чужой, не узнанный подчас
Становится в итоге только нашим.

И больше нам не хватит никогда
Того, что стало маленьким и
тесным.

Теперь, когда большие города
Неслышно подпевают нашим
песням.

Устав бродить под грузом рюкзаков
По площадям до самого рассвета,
Мы пьем вино из приторных стихов
Как два никем не признанных
поэта.

Один из нас в прозрачной синеве
Однажды будет вынужден растаять,
Оставив отголоском о себе
Кусочек сердца – сувенир на память.

**Мария Миронова
Тверь**

Колыбельная

Укутан город в сумерки весны.
Старик с цветным зонтом читает
сказки.
Ты спи, малыш! Пусть ярче будут
сны,
Чем так тобой любимые раскраски.

Ты спи, малыш! Пусть ангелы не
спят –
Большое сердце чутко охраняют,
И тише за окном ручьи звенят,
И журавли неслышно пролетают.

Теряет постепенно город тень,
Чтоб завтра показать другие
краски.
На цыпочках уходит этот день.
Ты видишь сны, где оживают
сказки.

**Ксения Маркова
Тверь**

плеча. С трудом открыв глаза, я увидел, что соседнее сидение теперь занимает худой, какой-то вытянутый мужчина. Он смотрел на меня круглыми глазами, контрастирующими с узким лицом, и показывал на своё запястье. Тонкая рука дрожала.

– Что вам нужно? – раздражённо поинтересовался я.

– У вас есть... время? – пробормотал он так невнятно, что я вынужден был переспросить:

– Что?

– Время? У вас есть..?

Я всё равно ничего не понял. Какое ещё время? Кто вообще о таком спрашивает? Минуту спустя я, наконец, сообразил, что неизвестный забыл где-то часы и, видимо, хочет узнать, когда можно будет обновить календарь. Увы, я оказался его собратом по несчастью, и поспешно обронил:

– У меня нет времени!

Дрожь пробежала по телу, когда я услышал свой голос будто со стороны: «У меня нет времени». Тут же вспомнилось предупреждение: «Не пропустить бы...» – и меня осенило: остановка! Задремав, я перестал следить за дорогой, и теперь, глядя в окно, не видел ни одной знакомой улицы. Куда меня занесло? Я с недоумением повернулся к соседу, но тот пропал. В салоне кроме меня не было ни одного пассажира. Происходящее нравилось мне всё меньше и меньше. Я снова посмотрел в окно и увидел в нём отражение электронных часов, висевших напротив водительского сидения. Красные цифры привели меня в ещё большее замешательство: «45:32», – говорили они. Несуразное время, нелепое место. Мимо окна проносились чёрные деревья, освещённые редкими фонарями, и сельские дома. Внезапно автобус затормозил. Я остался на месте, поражённый цифрами и загадочным исчезновением попутчика, но насмешливый голос, хорошо мне знакомый, прозвучал прямо над ухом:

– Выходи, конечная!

Я встал и вышел.

Тусклый фонарь, облепленный насекомыми, качнулся на столбе, выхватив из мрака обрывок грязной дороги и деревянную избу. Лужа, по масштабам сравнимая с небольшим озерцом, привольно раскинулась у моих ног. С развешенного ясеня сорвалось несколько жёлтых листьев. «Ну, не чокаясь, за упокой!» – припечатал насмешливый. Я чуть не подпрыгнул и завертел головой по сторонам. «Помянем старый год, с добром помянем!» – продолжал мой невидимый собеседник. Я не выдержал:

– Эй, есть тут кто? Куда снег девался?

Да что же это, в конце концов?!

– И чего ты раскричался-то, а? – внезапно спросили из темноты.

Я повернулся на звук. В нескольких метрах от меня стоял старик в сером пальто и чесал невымытую голову.

– Ну, ты оглох, что ли? – продолжал он. – Чего орёшь?

– Который час? – зачем-то спросил я, вспомнив недавнего попутчика.

– Час? А нет его, часу! – весело крикнул дед.

– То есть как это, нет? – я глядел на него во все глаза.

– А вот так! Кончилось ваше время.

– А как отсюда в город попасть? Остановка где? – зашёл я с другой стороны, надеясь, что дед только прикидывается сумасшедшим.

– Никак, – ещё веселее откликнулся тот. – Конечная тут, не понял, что ли? Город-то твой когда накрыло?

– Чем накрыло?

– Ну как же! Известно, чем. Как полночь с востока на запад пошла, так и накрыло. Интересно так: где год уже кончился, а где ещё живут и ничего не знают. Первыми-то тех шарахнуло, которые как раз с часами были. И техника тоже того, загнулась. А потом, видать, что-то у них там важное поломалось, и совсем потеха пошла. Огненных грибов уродилось много, добротные, со всех сторон видать!

– Так Новый год не наступил ещё! – раздражённо бросил я, отчаянно цепляясь за обрывки реальности.

– Ясное дело, не наступил. И не наступит! Кончилось ваше время, говорю. Ты как попал-то сюда?

– На автобусе...

– Приехал, значит? Вот в дороге оно тебя и накрыло. Тут у нас никто просто так не появляется. Правда, и вопросов до тебя никто не задавал...

– Ничем меня не накрыло! – разозлился я, ощущая, что начинаю сходить с ума. – И город тоже, и с часами все радостные ходят, к празднику готовятся!

Дед ничуть не смутился:

– А они и будут ходить, а ты чего ду-мал, – все наземь повалятся и дух вон? Было бы, чему вон, тогда – другое дело. У них и душ-то не осталось, у людей твоих. Или у тебя – есть?

– Не знаю, – растерялся я. – Должна, наверное, быть.

– То-то и оно, что должна! Да только нету. Всё в материю ушло, вот и не заметили, значит, как конец настал. И дальше ходить будете, – дед устало махнул рукой.

С каждой минутой разговор становился всё более путанным. Я снова ощутил пульсирующую боль в затылке и схватился за голову, прикрыв глаза, а когда

открыл, деда поблизости не было. Избы тоже. Вместо широкой лужи у ног белел песок. Душно пахло липовым цветом. Я сел на землю. «Конец? Что это значит?...». Словно мне в ответ, из лиловых сумерек, клубящихся среди деревьев, донёлся механический голос: «Дальнейшее существование человеческой расы признано нецелесообразным. Энергетический запас исчерпан. Приказ «ликвидировать материальную угрозу» выполняется». «Ну, за упокой?» – повторил насмешливый своё предложение. В ответ раздались гудки, будто кто-то повесил трубку старого телефона. Я тоже не собирался ему отвечать. Обладатель голоса обиделся и замолчал. Сумерки едва заметно поредели, и впереди стали вырисовываться очертания деревенских домов. Приглядевшись, я обнаружил, что дверь одного из них распахнута настежь, и направился туда. Дом встретил меня запахом плесени и робким лепетом штор. О чём они там шептались, я не разобрал. Кажется, бранили сквозняк и нерадивого хозяина. Комнат было всего три. Пустые, холодные, они уставились на меня. Я вошёл в самую большую и захлопнул дверь. Надо было остаться наедине со своими мыслями и что-то решать. Чтобы никто не вторгся в моё убежище, я закрыл дверь на ржавую щеколду, к которой, кажется, давно не прикасались. Всю обстановку комнаты составляли стол, диван и два деревянных стула. Толстый слой пыли можно было принять за снег. Но почему на улице нет снега?

Я выглянул в окно и обомлел. Снег был. И увесистые сосульки, свисающие откуда-то бахромой, и тонкая наледь на стёклах. «С Новым годом, с новым счастьем!» – ожил насмешливый. От такого и дверь не спасёт. Приложить бы кирпичом, а то и чем потяжелее, да некогда. А руки так и чешутся...

– И тебе того же, – мрачно пожелал я пустоте. За окном рассвело.

День выдался мягким и снежным. Сердитые белые пчёлы взяли солнце в плен и утащили в улей. Сумерки плелись по деревне, захватывая один дом за другим. Кажется, это уже не вьюга закружила, затуманила землю, а что-то другое, большое и страшное, шло мне навстречу. Чтобы отвлечься, я огляделся вокруг, подмечая ничего не значащие детали: пятно на ковре, закатившийся под стол карандаш... На стёклах – морозная серебрянка, только она не снаружи, а в комнате, вместе со мной. Мне нестерпимо захотелось спать, веки налились свинцовой тяжестью, и я закрыл глаза. «Пусть это будет сон, пожалуйста, пусть!»...

«Ну, за упокой!» – сказали откуда-то снизу.

Объект в соседнем кресле

Место, указанное в билете, он определил, едва войдя в автобус. Выходило, что ему сидеть рядом с прелестной, дремавшей сейчас, незнакомкой. Сердце ухнуло вниз, куда-то в зону желудка, потому что именно там сразу разлилась приятная теплота. Красивых женщин он любил, и опыт, как и аппетит по этой части у него имелся немалый. А сейчас место в его сердце, как и в постели, пустовало. Поэтому аппетит тут же дал о себе знать. И приятные планы помимо его воли стали выстраиваться в мозгу.

«Наверное, постарше, – привычно прикинул он, – но это даже лучше, – скорее дело сладится. Не случайно же она оказалась в соседнем кресле, подарок судьбы».

– Доброе утро, – бархатным голосом, который прорезался у него сам собой в особо напряженные минуты охоты за женскими сердцами, начал он. – Надеюсь, мы попутчики до конечной остановки?

– Доброе, – машинально отозвалась она, приоткрыв глаза.

«Какой приятный», – промелькнуло в ещё не проснувшемся мозгу. И ей захотелось тут же опять смежить веки и, уютно примостившись на его плече, продолжить прерванный сон.

«Господи, какая же глупость в сонную голову может прийти», – окончательно прогоняя сон, встрепенулась она, и инстинктивно отодвинулась к окну, освобождая несколько сантиметров для соседа.

Слово за слово – потекла беседа. Его теплый голос, грамотная речь, вежливая манера говорить и смолкать вовремя, давая и ей вставить реплику, очень располагали к собеседнику. «Повезло с попутчиком», – подумала она. Дело не последнее на шесть предстоящих в дороге часов. Под журчание умной речи душа оттаивала, она готова была ехать так даже в бесконечность.

Из разговоров поняла, что путь в её маленький городок он совершает впервые.

– И что вас привело заглянуть в наши края, и надолго ли? – не удержалась она от вопроса.

– Да поработать нужно немного.

«Поработать, – удивилась, – кем этот столичный интеллигент может поработать в их городе? Там и своим-то делать нечего, все в отхожих промыслах в сто-

Маргарита ПЕТРОВА,
г. Андреаполь

лице, как и вся провинциальная Россия сегодня». И она стала внимательнее рассматривать соседа, стараясь делать это незаметно.

Что-то и раньше настораживало её в нем. И чем больше светлело за окном – осеннее утро сонно, но настойчиво вливалось в салон – тем больше виделось ей странностей в попутчике. Тонкие пальцы, явно не державшие ничего тяжелее ручки, показались не очень чистыми. В красивом лице было что-то неуловимо его портящее, не то налет многих бессонных ночей, не то маяты какой-то: душевной или физической. Надлом, едва уловимый, чудился ей в человеке.

В глаза бросилась сумка, которую он держал на коленях. С виду обычная средних размеров мужская сумка, но она явно знавала лучшие времена. И была откровенно грязна, в складках и швах даже следы земли или песка виднелись. Вдруг глаз выделил из общей картинки брюки. Черные в тонкую белую полосу, явно не из сегодняшнего дня и даже года, такие на нем неуместные. К тому же их будто вывалили где-то: по правому боку, обращенному как раз к ней, их покрывали блеклые белесые пятна.

Она инстинктивно отодвинулась, вжалась в автобусную стенку. Ей стало казаться, что и попахивает от него чем-то подвальным, нечистым. Разговор как-то сник, собеседник закрыл глаза. То ли

* * *

Стихи по заказу
Не пишутся сразу.
Стихи по заказу –
За деньги любовь!..
Они – от рассудка,
Они – от желудка...
Знобит от них жутко,
Хоть шубу готовь.

Красивостей море.
«Картонное» горе.
В надуманном споре
Свет истин сокрыт.
И снег понарошку,
И ночь за окошком,
Слоном стала мошка,
А сердце молчит.

Слезинка-дождинка,
Из лужицы льдинка,
Не жизнь, а картинка, –
Бездарный эскиз.
Но снова закажут,
Упросят, обяжут,
Невольно навяжут
С душой компромисс.

**Юрий Моисеев,
Новосиньково
Московской обл.**

* * *

Долгожители согнулись,
Заскорузли под корой –
Мои сосны вековые,
Что притихли под горой?

Ветры вас не укачают,
Друг на друга полегли,-
Словно плечи подставляют,
Ветви в косы заплели.

Даже сердце защемило,
Под язык валокордин;
Я у Шишкина печали
Из его лесных картин
Не почувствовал – там выше,
Там величие и стиль.

Я – сермяжный уроженец
Первобытных этих мест,
И в скрещении макушек
Вижу свой сосновый крест.

Долгожители согнулись,
Я уже давно сутул, –
Сосны плечи подставляют,
Мне, ворча, предложат стул.

**Юрий Назаров,
Осташков**

спал, то ли притворялся?

Она стала рассматривать спящего в открытую, не стесняясь. «А что у него с прической? Будто стригли овечьими ножницами, выхватывая клоки волос, как придется. А в сумке-то что везет, вон как к коленкам прижимает?»

И вдруг вспомнила про колонию, располагавшуюся за городом уже долгие годы, где отбывали свои сроки наркоманы-преступники. «Вот он куда. Конечно, им и везет товарец. Поработать ему надо! Ну и послал Бог соседа, хоть бы вышел кто, пересела бы на свободное место, ехать-то ещё так далеко».

В Торжке вышла сразу группа пассажиров. И только она примерилась, как бы удобнее обогнуть соседа, не прикасаясь к нему, он открыл глаза. Будто и не спал, и, схватив свою сумку и робко пробормотав: «Я к окошку», – ринулся к освободившемуся креслу вглубь салона.

Пересев от красавицы, покоровившей с первого взгляда, он вздохнул с облегчением. «Ну надо же так влипнуть, – сверлило мозг, – такая женщина! Да такую век бы на руках носить – и эдакая незадача. Вот дурак-то, сколько раз себе говорил: пить надо меньше. И ведь ничего уже не поправишь. Что я могу ей сказать?»

И действительно, не мог же он рассказать о минувшей бурной ночи, проведенной с приятелем и женой друга. Нет, не в том смысле, что с женой друга. Ничего и не было-то... Вообще ничего, перепили только. Сколько раз обещал себе, что с взбалмошным Женькой вообще ни в какие истории больше не ввязывается. Тот всегда сухим из воды вылезет, а другим за него достается.

«Может, все-таки попробовать объяснить ей все? Но кто такому поверит?». И он стал припоминать события минувшего кутежа. Вспоминалось смутно.

Вот они, не позвонив предварительно, отправились с Женькой, бывшим уже слегка навеселе, к Николаю, их женатому другу. Застали только его жену. Уйти бы сразу. Но по настойчивому Женькиному предложению распить на скорую руку бутылочку коньяка, угомонили кроме неё привезенный Женькой же из-за границы какой-то ликер, который, по Женькиным словам, «англики пьют, только разводя лимонадом, а русскому человеку всяк напиток разводить запаadlo». Ликер, однако, подействовал. Видать, крепок был, да и бутылка полуторалитровая. Сначала они играли в покер «на раздевание». Потом Женька

вдруг взялся поправлять ему прическу с помощью электробритвы, убеждая, что «мастер дело знает». Возможно ли убедить попутчицу, что оставшись в одних трусах, он заснул, сам не помнит как?

А когда среди ночи в дверь стал ломиться вернувшийся (да-да!!! из командировки, как в банальных анекдотах) Николай, Женьки уже и след простыл. А его, в трусах, выставили на балкон, выбросив туда же одежду.

Как он с балкона третьего этажа спускался, кучкой кинув вниз одежду, лучше не рассказывать. А когда спустился, то обнаружил, что низ костюма, то есть брюки, как и сумка, отсутствуют.

До отправления автобуса оставались считанные минуты. Командировку отложить было нельзя, он нужен был срочно: ребята заканчивали очередной объект, и без его разрешающего заключения дело бы сорвалось. Старую сумку прихватил в Колином гараже, хорошо, что код замка знал. Бывшие когда-то своими брюки в том же гараже снял с чучела, которое они на днях, с окончанием сезона, привезли с дачного участка. Бумажник, к счастью, обнаружился в кармане куртки.

Поди, расскажи об этом. Судьба так жестоко над ним подшутила. Пообещала, послав билет в соседнее кресло к женщине, которая могла, он это чувствовал, повернуть всю его непутевую жизнь в другое русло. И тут же отняла надежду если не на тихое семейное счастье, то на сумасшедший роман. За кого она его приняла? За пропашую пьянь? Бомжа? А он ведь уважаемый специалист своего дела.

Остатки хмеля выходили быстро. И, не видя выхода, все сильнее стыдясь своего вида, он вжимался в кресло, почти физически уменьшаясь в размерах.

* * *

Распласталась черной кошкой ночь
по крыше,
Город сном волшебным укрывался.
Месяц плавно поднимался выше,
выше
И немного грустно улыбался.

Улыбался кленам, что шептали,
Двум влюбленным тайну еле слышно,
Что вчера тут двое попрощались...
Мы вчера расстались, так уж
вышло.

**Светлана Серг,
Андреаполь**

Александр ГОРШЕНКОВ,
г. Яхрома

НЕУДАЧНИК

Его жизнь не удалась. К периоду явно за средний возраст в этом больше не оставалось никаких сомнений. Коль ни семьи, ни нормального жилья, ни уважаемой достойно оплачиваемой работы.

Неудачник... Он и сам свыкся с таким определением, только не проходила обида на жизнь, глухо копилась в глубине души. Почему же всё пошло у него как-то не так?.. И вот однажды в обычной усталости и недоумении, он – понял.

Его удачами были давние счастливые мгновения, когда он ещё во многое верил и многое обещал. Вот он за городом, возвращается откуда-то в предутренней росе по берегу реки, а вдали начинает всходить солнце и он подставляет навстречу светилу радостное лицо. Вот он покупает бутылку газировки в киоске, а продавщица, симпатичная девушка, неожиданно улыбается ему, он переглядывается с ней, смущаясь и улыбаясь в ответ... И ещё несколько таких промельков. Ради них-то он и жил, а выйти за их пределы ему почему-то судьбой не было предназначено.

Но другие – удачливые, грузные, скучные – не запомнили своих мгновений, а он – запомнил. И впервые за долгие годы он словно бы сбросил постоянную тяжесть с плеч. И быстрее пошёл по пустой пыльной улице вдоль нависших каменных домов.

МОЁ РОДНОЕ

Бездомные ветры навяли грусть,
Заставили думать о прошлом.
А я воротиться к руинам боюсь
И вспомнить хочу о хорошем.

Мой домик у речки и сад под окном,
И пламя герани по стёклам.
Прилип сарафанчик под летним
дождём
И липы, как зяблик, промокли.

В сенях два ведра с ключевой
водой,
В углу на гвозде – коромысло.
По стенам – портреты под тонкой
слюдой,
И всё здесь наполнено смыслом.

Комод, радиола и старый диван,
И радио гул – «Встреча с песней».
Как будто читаешь любовный
роман,
С годами он всё интересней.

Раскидистый фикус, глоксинья и
клён,
Гортензий огромные шапки –
Их мама любила; отец был влюблён
Вдушистого сена охапки.

Оттуда, из детства, пришли вечера,
Читались газеты и книжки.
Бабуля вязала, а кошка спала,
Клубки раскатились, как мышки.

А в зимние святки весь ряженный
люди
В овчинных тулупах и в масках.
Все громко смеются, частушки поют,
Слагают волшебные сказки.

Соседушка Марфа ни свет ни заря
Спешит на крыльцо с новостями.
У брата в гостях засиделись друзья
И лопают клюкву горстями.

Как много воды утекло с этих пор,
Как много ветров отшумело.
И нет того дома, тех крепких опор,
Которыми память владела.

Бездомные ветры наводят тоску,
Ты их удержи у порога.
Дрожащие пальцы прижму я к виску
И молча отправлюсь в дорогу.

*Наталья Шабанова,
Андреаполь*

ПОЗДНЯЯ НЕВЕСТА

Дом сгорел. Осталось только
пепелище –
Печь с трубою чёрной, обгоревший тын.
По-над пепелищем ветер гулкий
свищет,
Клонит обгоревший красный георгин.

Обгорели листья, ствол – чернее черни,
Но над всем над этим – красный
костерок:
Очень одиноко в этот час вечерний
Смотрится сгоревший георгин-цветок.

Это пепелище робко обхожу я,
Горько пахнет гарью, хоть и нет огня.
С изумленьем вижу, нет, скорее, чую:
«Поздняя невеста» смотрит на меня!

«Поздняя невеста» – так цветок зовётся,
(Знать, любовь к девице не пришла
весной?!),
Через обгорелый тын на волю рвётся,
Пусть и обгоревшей, но живой душой.

Чёрные тынины разломала тут же,
Может, кто увидит эту красоту?
Если нет жилища, красота к чему же?
Но «Невесте поздней» жить ещё в
цвету!

Не теряй надежды, «Поздняя невеста»,
Осень пусть и рядом, далеко зима.
Милые подруги, вам признаюсь честно:
Поздняя невеста – это я сама!

*Лариса Иванова,
Торопец*

«Как хорошо!» – моя племянница
сказала.
Крылечко, вечер и прохладный ветер...
Всё стихло, на траву роса упала.
Что лучше может быть на этом свете?
Как хорошо, когда проблемы взрослых
Детей не трогают, покуда те взрослеют.
На них не давит груз ошибок прошлых,
О будущем заботы не довлеют...
А ты стоишь, как путник одинокий
В ночи, у опустевшего вокзала.
Полжизни нет. Пропало? Не пропало?
Не понимаешь. Нечем мерить сроки.
Ослабло тело, а душа устала.
И нет семьи, и не родились дети.
«Как хорошо!» – моя племянница
сказала.
«Как хорошо!» Что я могу ответить?

*Василий Васильев,
Рамешковский район*

ЧУШЕСТРАНЬ

* * *

Я разбужен был
кошмарцем,
Что пришёл рассеять рань.
Был я в нём посеян Хармсом,
Вот такая чушестрань.

Был я жёлт и предосенен,
Жаткой срезан у корня,
Я светился, как Есенин,
Вот такая вот стерня.

А проснулся тих и грустен,
Словно голый бледный день,
И лицом слегка Апухтин.
Вот такая голубень.

*Игорь Столяров,
Нелидово*

* * *

Увядая, увядая...
Вникуда летят года.
От тоски не доедаю,
Словно горькая еда.
Вот же, блин, пора настала –
Бесполезен макияж
И зубов осталось мало,
А диагнозов – багаж.
Увядая. Увядая.
Где вы, прежние деньки!?
В «сад» чужой не забредаю,
Что мне там, считать пеньки?

*Светлана Большенкова,
Нелидово*

УГАСАНИЕ

(почти всерьёз)

Померк мятежный дух желаний,
Угас давно любовный пыл.
Забыты муки ожиданья,
Сердечный жар, увы, остыл.

Бреду мороженою тушей,
Потуплен взор, немы уста.
Ничей покой я не нарушу:
Кладовка чувств, увы, пуста.

Порой тревожит сон бредовый
Увядшей чакры лепесток,
И просыпаться так хреново...
О мир! зачем ты так жесток!

*Светлана Виноградова,
Нелидово*

* * *

Я бродил по Закулисью,
где кончался карнавал,

обезгримленные лица
с отвращением узнавал.
Заходил я в Заметелье
(благо это по пути),
подивился канители,
вентилятор покрутил.
Заглянул я в Зазеркалье.
Там – веселье, там – балы.
Но Алисины сандали
оказались мне малы.
Любопытен и беспечен,
интригуя и греша,
пробирался в Засердечье,
да не выдержал, сбежал.
В общем, там, где интересней,
мне уже не по плечу.
Вот хотелось в Занебесье,
но, увы, не долечу.
А где ближе – там рутина:
то мигрень, то геморрой.
В Затрапезье паутинно,
Закроминск – дыра дырой,
в Заневестье – запустенье,
в Заднеместье – смрад один,
в Заполночь – только тени,
в Заморочье – карантин,
в Забутылье и в Загулье –
пустота, тоска и грусть...

Ухожу в своё Заумье
и теперь уж хрен вернусь!

*Владимир Юринов,
Андреаполь*

ХАРМСОЛОГИЯ

Серым утром спозаранку
Я в стиралку-иностранку
Заливаю молоко,
Ведь зовут её «Веко».

Трое суток рифмовала,
Мышь сбежала из подвала
И повесилась в «Stinole»,
Нет ей дней уж светлых боле.

Норовила опус ране
Напечатать в «Чушестрани»,
Но сбежал куда-то кот,
Не дала ему компот.

Дело вовсе не в компоте.
Как пойду я к стоматёте
Цементировать мозги,
Ведь на улице ни зги.

*Маргарита Петрова,
Андреаполь*

* * *

Глупцеподобных человек разборки,
Громораскатных слов девятый вал,

Живую грудь от корки и до корки
Колкосердечной болью разрывал.
Дорожнопыльный ветер рвал
рубаху,
Горячечувственный тушил
душекостер,
И, налетая со всего размаха,
Пустопорожный слушал разговор.
И остывал, разлукою убитый,
Людей горячелюбых старый спор,
А небосвод разводами залитый
Облачнобелый колыхал узор.
Золоторукий мастер –
Бог-создатель
Журавлеклинной грустью полнил
мир,
Березокудрый юноша-мечтатель
Лесной колдун – мифический сатир,
Любвеобильный, жаждал нашей
встречи,
Жарколадонный, гладил невзначай,
А мне казалось: это южный вечер
Небеснозвездный предлагает рай.

*Иван Кирпичев,
Нелидово*

* * *

Ломалась, не ломалась –
она ему отдалась.
(таких он мог иметь на дню
стократ)
Обыденное дело,
Но.... Дева залетела,
А он был фантастически богат.
От наглости дуряя,
Открыл секрет Андрею.
Андрей решил: «Ну что ж, – пусть
говорят».

Привет, Андрей! Привет, Андрей!
Как много здесь нестиранных
вещей,
Мы посмакуем, поурчим наверняка!
И всё закончим тестом ДНК.

Важнее всех событий
Пикантности соитий
И кто на этом смог срубить бабла!
Мы ждём вас на канале «бла – бла –
бла».

*Пётр Бобунов,
Нелидово
(1954 – 2018)*

* * *

Мне мир кричит на брайле и на
сурдо,
Что он театр – гротеска и абсурда...

*Игорь Столяров,
Нелидово*